

Независимая газ. — 1993 — 16 апр. — с. 7.

«Я ХОЧУ СДЕЛАТЬ СВОЮ СОТНЮ!»

Блицвизит Мстислава Ростроповича в Москву

Тамара
Грум-Гржимайло

Зеркало

В ПОСЛЕДНИЙ раз, когда мы виделись в Париже, ты планировал «посильный вклад в музыкальную жизнь России» именно в 93-м. Так как же?

— «Вклад» начинается с 23 сентября. Будут концертные программы и мастер-классы, которые продлятся пять недель. А первый концерт в Большом зале консерватории посвящается Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу и пройдет в день его рождения — 25 сентября. Готовлю сюрприз. Солистом в Первом фортепианном концерте Шостаковича выступит Игнат Солженицын — сын Александра Исаевича, которого вывезли из страны двухлетним ребенком.

— Я слышала, Игнат будет играть с тобой и в Эвиане, в курортном местечке на Женевском озере?

— Не только в Эвиане, но и в Санкт-Петербурге.

— Будут ли симфонические премьеры в концерте памяти Шостаковича?

— Самое главное — будет первое исполнение Шестой симфонии Альфреда Шнитке. Мировая премьера. С моим оркестром. Готовлю эту симфонию потому, что Шостакович был всегда за новенькое, свеженькое, за композиторов-современников. Приедет не только Вашингтонский оркестр, но и, возможно, Лондонский. Я так надеюсь... Хочу съездить потом в Оренбург, на могилу отца...

— А с Большим театром будешь что-нибудь делать?

— Нет. У меня идут переговоры с Мариинским театром о постановке «Леди Макбет» Шостаковича. Но это будет в следующем году. А сейчас готовлю премьеру одноактной оперы Тарнопольского для Эвиана. Называется «Ох, уж эти русские, или Любимый напиток».

— Как попал к тебе Владимир Тарнопольский?

— Я искал композитора, который мог бы поднять жанр *opéra comique*. Мне говорили многие о Тарнопольском как об очень талантливом человеке. Ведь фестиваль в Эвиане в этом году (он проходит с 20 по 30 мая) посвящен России. И мне хотелось сделать что-нибудь шуточное или полупушточное, посвященное Эвиану. Но «русским почерком». И вот Борис

Покровский и Ирина Масленникова создали такой игривый сюжет комической оперы...

— Что за сюжет?

— Умерла некая княгиня в Петербурге. И оставила якобы завещание, по которому выходит, что ей принадлежит источник целебных вод Эвиана. И вот приезжают «наследники». Но не те, кому завещано, а несколько жуликов. Один привез с собой цыган, другой еще кого-то. Словом, вокруг этой интриги строится сюжет. А действие происходит в Эвиане, в наше время... На фестиваль приезжает оркестр Московской консерватории, которым я буду дирижировать. Приезжает оркестр Санкт-Петербургской филармонии с Темиркановым. Солировать будут певцы Паата Бурчуладзе и Николай Гедда. Выступят Башмет, Спиваков, Татьяна Николаева.

— После Москвы ты, кажется, летишь в Токио?

— Да. В Токио я лечу, чтобы принять участие в 35-летнем юбилее фестиваля в Осаке, который я в свое время открывал вместе с оркестром Ленинградской филармонии. Представь себе: 35 лет прошло! Как один день... А планов не убавляется. Напротив. Ты ведь знаешь: следующий концертный сезон с Национальным оркестром США — у меня последний в Вашингтоне. И я счастлив, что оттуда ухожу...

— Счастлив?

— Счастлив потому, что получаю свободу. Я ведь уже выхожу на финишную прямую.

— Вот как? А выглядишь ты лучше, чем 20 лет назад.

— Правильно, правильно. Поэтому у меня и «планов громадь». Вот опера Тарнопольского — раз. Следующая моя премьера в Стокгольме — опера Щедрина «Лолита» по Набокову.

— Чье либретто?

— Сам композитор писал. Замечательная опера. Ее премьера — в январе 94-го. А следующая, в 95-м году, состоится в Венской Штата-опера. Буду ставить новую оперу Шнитке «Джезуальдо», посвященную средневековому композитору. Альфред ее уже почти закончил. И затем последнее, что я буду делать, уже в 96-м — это опера «Питер Граймс» Бенджамина Бриттена в той же Венской Штата-опера. Словом, до 96-го года у меня все «забито».

— Так, значит, вот как ты «наголодался» без театра?

— Наголодался, конечно. Но будут в моей жизни, как прежде, — и оркестр, и театр. Мне предстоит,

например, провести фестиваль музыки Шнитке с Лондонским оркестром в начале 95-го, когда композитору исполнится 60 лет. А в нынешнем июле, в том же Лондоне, — премьера Четвертой симфонии Вячеслава Артемова.

— Словом, история повторяется, и Ростропович вновь в центре событий, как в незабвенные шестидесятые. Смотришь — и композиторы наши вдохновились...

— Да-да-да. Вот Родион Щедрин сейчас пишет Концерт для виолончели. Жду новых произведений и от Софьи Губайдулиной — для виолончели и для оркестра.

— Значит, связь с отечественной композиторской школой восстановлена?

Фото А. Ратникова

— Она восстановилась через 16 лет. Но я очень хорошо помню, что было после моего изгнания, когда никто из композиторов не двинулся, не шелухнулся в мою сторону. Первым, кто нарушил «заговор молчания» и прислал мне свою «Стихиру» в 88-м, был Щедрин. Это был гражданский подвиг — по тем временам... Между прочим, я поставил перед собой задачу: довести количество моих виолончельных премьер до 100, а симфонических — до 50 к моему семидесятилетию, которое я собираюсь провести в Москве...

— Подожди, это же так далеко!

— Только четыре года осталось. Мы же «пятилетки» в 4 года выполняли? Вот и я выполняю свою «пятилетку» в четыре года. И в 97-м приеду сюда, может быть, с друзьями. Уже начал готовиться к своему семидесятилетию. Но почему, спрашивается? Именно потому, что хочу довести количество моих

виолончельных премьер (сонат, концертов и т.д.) до сотни. Сейчас за мной числится пока только около 90. Я должен сделать свою сотню! Для меня это страшно важно. Вот у меня сейчас в «портфеле» есть произведение, которое закончил перед смертью Оливье Мессиян, оно никогда не исполнялось. В этом Концерте для четырех инструментов — виолончели, фортепиано, гобоя и кларнета — партию виолончели Мессиян писал для меня, о чем сообщила мне недавно его вдова, пианистка Ивонн Лорио. Гениальная музыка... Теперь далее. Очень известный французский композитор старшего поколения Даниель Лестор закончил недавно Поэму для виолончели с оркестром и посвятил мне. Есть у меня и музыка США: известный американский композитор Ричард Ворник написал виолончельный концерт. И, как я уже говорил, заканчивает виолончельный концерт Родион Щедрин. Словом, огромный, огромный портфель.

— Слава, твой благотворительный вклад в нашу детскую медицину всем известен. Галина Вишневская открыла фонд помощи Большому театру. Планируется ли продолжение подобных акций?

— А как же! Осенью, когда буду в Москве, а именно 6 ноября 1993 года, в день столетия со дня смерти Чайковского я буду дирижировать в Большом театре на вечере, посвященном этой дате. Но я иду на это только с одним условием: тут же на собранные деньги и, естественно, на мой гонорар я открываю фонд Московской консерватории, средства нужны для ее ремонта. Когда я пришел в консерваторию, мою *alma mater*, и посмотрел, в каком она виде...

— Когда же это произошло? Тебя пригласили?

— Нет, никто не приглашал. Я сам пошел. Было это 15 марта прошлого года, в день юбилея Галины в Большом театре. Помнишь, я приехал только на один день? Было как раз воскресенье. И я решил пойти в консерваторию. Зашел в учебный корпус, там, по случаю воскресенья, не было никого, слава Богу. И пришел в ужас от того, в каком виде потолки, полы, двери... Вот тогда мне и пришла в голову идея — создать фонд для ремонта консерватории.

— А ты не подумал, в каком состоянии исполнительские факультеты?

— Ну это «отремонтировать» трудно. Стены — легче. Пока начнем со стен...